

Текст · 8 марта 2020, 08:40

Анастасия Ясеницкая,

«Женщин в России больше, чем работников КГБ». Как в СССР узнали термины «сексизм», «патриархат» и «фаллоκραтия»

На второй день московской Олимпиады, 20 июля 1980 года, из ленинградского аэропорта Пулково вылетел полупустой самолет. На борту вместе находилась редакция первого в СССР феминистского самиздата «Женщина и Россия»: Татьяна Мамонова, Наталья Малаховская и Татьяна Горичева. Мамоновой разрешили взять с собой мужа и сына, Малаховской — сына, которого она воспитывала в одиночку. В аэропорту Вены их встречала толпа журналистов и одна из авторок альманаха — поэтесса Юлия Вознесенская, которой пришлось покинуть страну чуть раньше.

За десять дней до этого, 9 июля, возле Наталии Малаховской на улице притормозил автомобиль, из которого вышел «лощенный на вид» мужчина. Он вручил писательнице бумажку с номером и сказал: «Сегодня в полдесятого вечера позвоните по этому телефону, что вы согласны ехать за границу. Если вы этого не сделаете, завтра утром вас арестуют».

Малаховская ответила, что не уедет из страны без Горичевой. Незнакомец сказал, что ее подруге надо будет набрать тот же номер. Когда Малаховская позвонила, ей сказали выписаться из квартиры.

«Я сижу в очереди [в жилконторе], а очередь была небольшая: два мужчины лет тридцати-сорока, и я сидела. И они говорят, почему нами правят всегда такие отвратительные гадкие старики, почему не поставят править нами такую милую симпатичную девушку? И показали на меня пальцем. А меня в это время выгоняют из Советского Союза», — вспоминает Малаховская в разговоре с «Медиазоной» 40 лет спустя.

Горичева — специалистка по немецкой философии и, вероятно, единственный человек в СССР, состоявший в переписке с Мартином Хайдеггером — рассказывала, что всем троим дали израильские визы по «вызову»^[1], «хотя мы с Мамоновой не еврейки».

«Настоящие евреи ждали, сражались, чтобы выехать, а нас за один день оформили. Путь был через Вену, а потом или в Израиль, или куда-нибудь в другое место», — говорила она.

«Роды человеческие»

Еще за год до высылки из СССР Наталия Малаховская ничего не знала о феминизме. Филолог по образованию, она делила комнату в коммуналке со своим маленьким сыном Иваном, писала в стол и перебивалась случайными заработками — в 1979-м работала кочегаром на Ижорских заводах.

Малаховская помогала издавать подпольный философско-богословский журнал «37»^[2], который, впрочем, отказывался печатать ее прозу. Главный редактор самиздата и муж Горичевой, поэт Виктор Кривулин с упреком говорил Малаховской, что она

пишет «не по-мужски», но согласился опубликовать ее повесть «Темница без оков», если авторка поможет переплести тираж самиздата. Писательница занималась этим на протяжении нескольких месяцев, используя гвоздь вместо шила.

24 июля 1979 года Горичева попросила Малаховскую приехать на Стрелку Васильевского острова, чтобы показать ей «кое-что». Это оказалась статья художницы и поэтессы Татьяны Мамоновой «Роды человеческие». Авторка рассказывала об опыте женщины в советском роддоме. Статья произвела на Малаховскую сильное впечатление — она вспомнила, как сама едва не умерла во время родов.

Embed Wrapper Not Realised

Embed WrapperYT Not Realised

Embed YT Not Realised

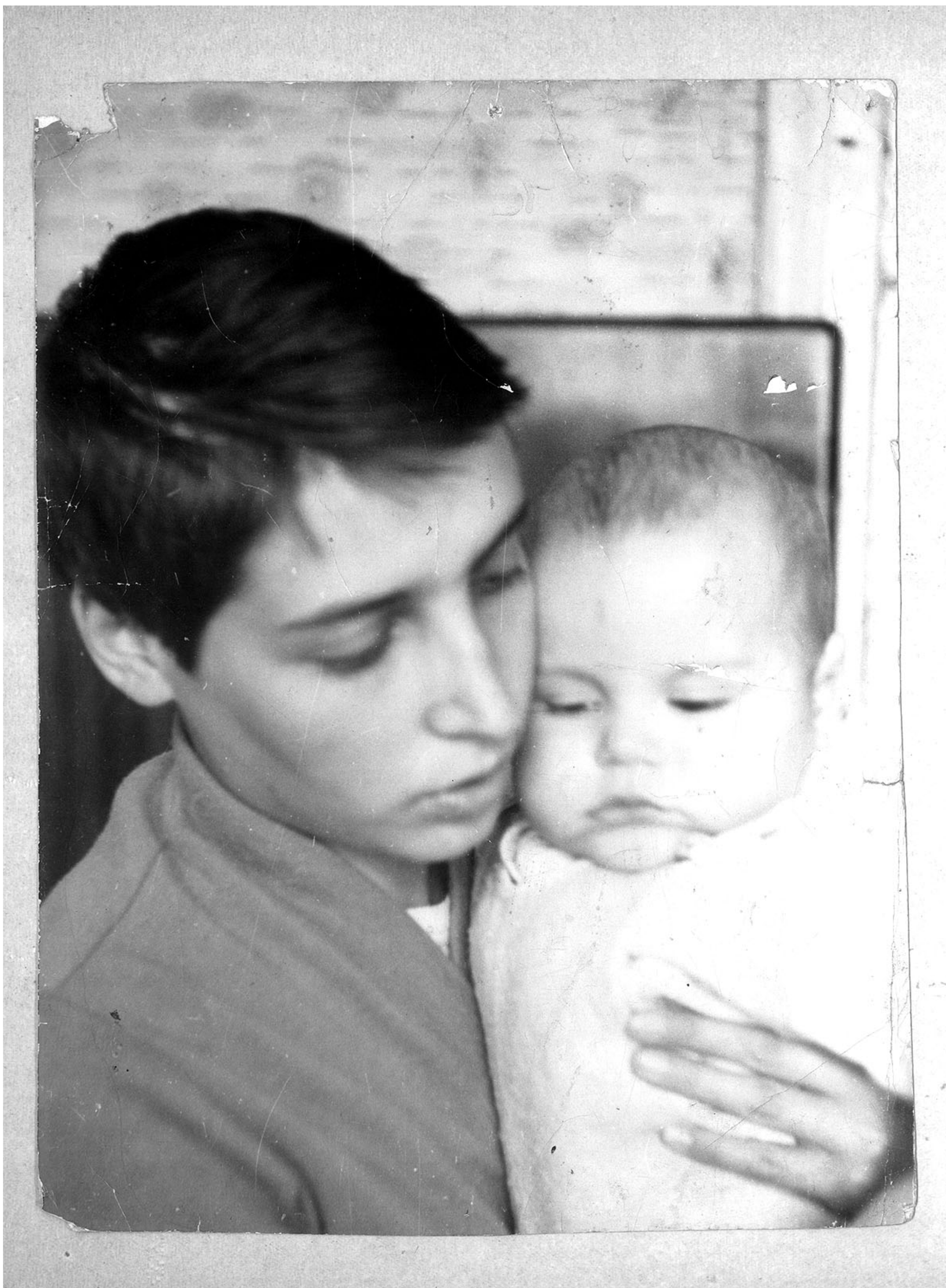
Embed Comment Not Realised

Фильм «1979: рождение движения за освобождение женщин в СССР», смонтированный из архивных материалов сотрудниками издательства *Des Femmes*.
Субтитры: Анна Сидоревич

«Когда я начала читать эту статью о том, как над ней [Мамоновой] издевались в родильном доме, а я стояла на стрелке Васильевского острова, и тот родильный дом, где надо мной издевались еще хуже, был совсем близко от этого места. Он так выглядывал из-за треугольного фронтона здания Биржи, и вот это все всплыло в памяти, естественно. Самое интересное, что я почувствовала, что это начало чего-то абсолютно нового, что это касается не только положения женщин, но это касается абсолютно всего.

Что этот взгляд на мир может перевернуть всю безнадегу, в которой мы жили», — рассказывает она.

Горичева передала Малаховской, что Мамонова читала ее тексты и предлагает ей поучаствовать в выпуске альманаха для женщин. Как вспоминает писательница, сперва у нее возникло чувство, будто ее «в должности понизили». «Что такое — журнал для женщин? Кройка и шитье, в лучшем случае рецептики... и это — меня? А я-то думала, что я уже так хорошо пишу!» — вспоминала она. Однако статья Мамоновой произвела на Малаховскую такое впечатление, что она согласилась.

Наталия Малаховская с сыном. Фото: личный архив Малаховской

«Женщина и Россия»

Идея «свободного феминистического издания» возникла у Мамоновой в конце 1960-х. Она рассказывает, что училась на фармацевта, но литература, философия и социология интересовали ее больше, поэтому девушка проводила дни в библиотеке имени Маяковского на Фонтанке, где и познакомилась с теорией феминизма.

«Я читала очень много об известных женщинах — таких, как Екатерина Великая, Дашкова^[3] и многие другие. Там я волей-неволей обнаружила феминистский материал. Хотя я чувствовала это внутри себя, для меня большой поддержкой было узнать, что были до меня такие, как Цебрикова^[4], Философова^[5]...», — вспоминает Мамонова.

Постепенно она стала читать немецкие, французские и английские источники.

«Мой муж^[6], к счастью, оказался феминистом, — рассказывает Мамонова. — и он помогал мне и поддерживал меня, и поддерживает по сей день. Это не значит, что в моей жизни не было женщин — очень много было женщин, я вообще люблю женщин! Мой муж вообще особенный человек, особенно для русского мужчины, он убежденный феминист и был таковым до того, как мы встретились».

В 1970-х Мамонова работала в литературно-художественном журнале «Аврора», писала стихи и участвовала в выставках художников-нонконформистов. По ее словам, к изданию первого в СССР феминистского альманаха ее подтолкнули два события — столкновение с советским акушерством, которое она описала в статье «Роды человеческие», и изнасилование.

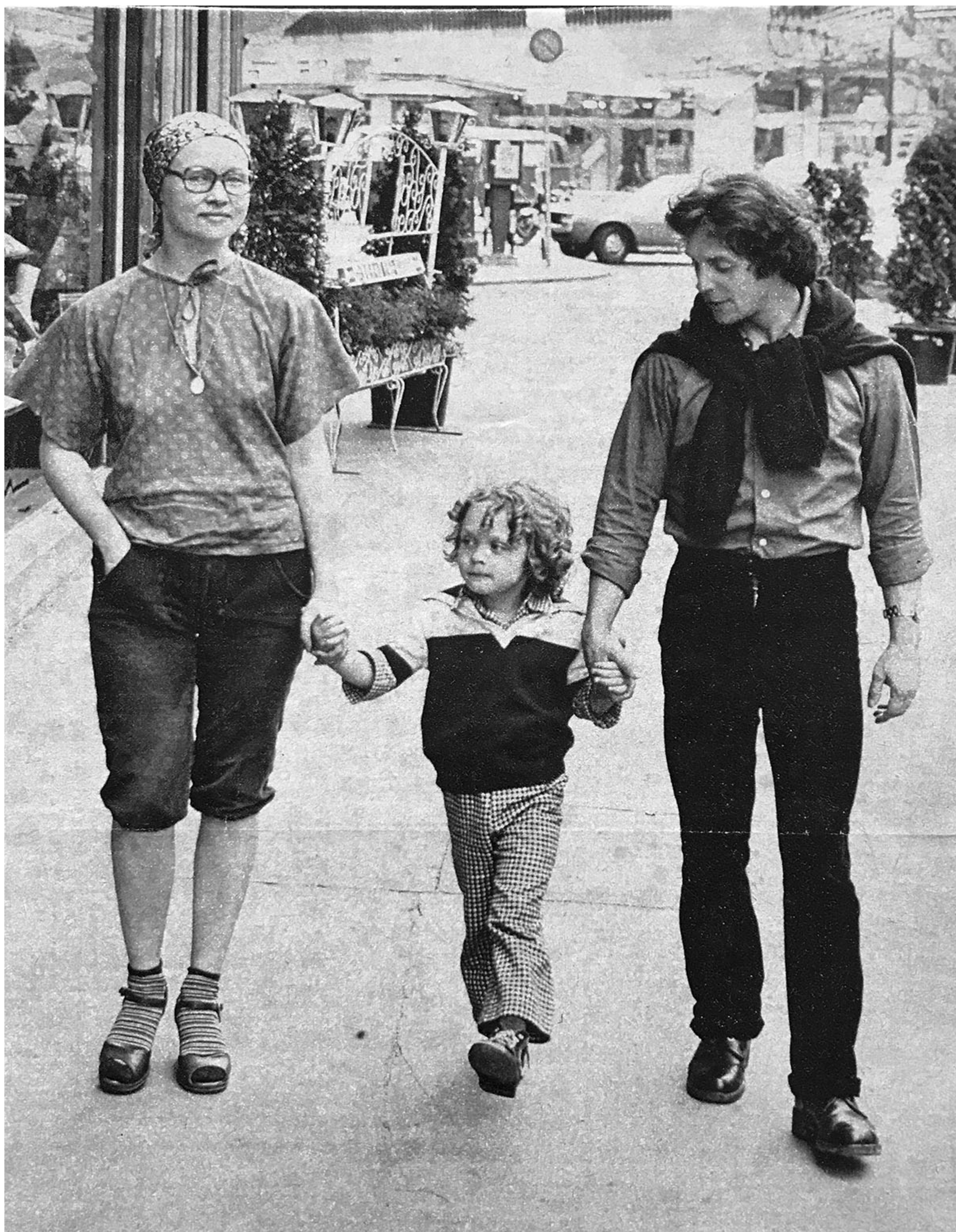
«После моего опыта в родильном доме и после этого изнасилования — очень подлого, потому что этот художник завлек меня в свою студию, и я не заметила, как он закрыл там гигантскую металлическую дверь, я даже не могла оттуда вырваться... Конечно, эти две травмы не могли не

заставить меня активно включиться в жизнь и не только создавать теории и писать стихи, но также найти корни того, что происходит и почему так происходит», — рассказывает она.

Сначала Мамонова с мужем подумывали издать альманах за границей, заручившись поддержкой женских организаций Западной Европы и США. Но Горичева убедила Мамонову, что альманах о советских женщинах стоит делать в СССР. К концу лета 1979-го сформировалась редакция, в состав которой вошли диссидентки разных взглядов и убеждений.

В своих неизданных дневниковых записях Мамонова рассказывает, как объясняла другим редакторкам диковинные понятия «сексизм» и «фаллоκραтия». Кроме Мамоновой, ни одна из авторок первого номера альманаха феминисткой себя не считала.

«Она нам рассказала, что вся эта гадость, которая нас окружает, называется патриархат, — вспоминает Малаховская. — Без нее бы ничего не было. Она была... Знаете историю Горького про Данко, который вырвал свое сердце, чтобы осветить народу дебри? Вот я ее себе так представляю. Вот она вырвала сердце, и держит его в руке высоко поднятой, и освещает эти дебри ужасные, в которых мы жили».

Татьяна Мамонова с мужем и сыном в Вене, 20 июля 1980 года. Фото: личный архив Мамоновой

Первый номер

За месяц альманах был собран, отредактирован и перепечатан. Четыре экземпляра переплела Малаховская при помощи гвоздя, еще шесть — Мамонова. Делать тираж больше было слишком рискованно. «Если сделаешь больше десяти, то поедешь на больше лет в тюрьму», — объясняет Малаховская. Первый номер альманаха «Женщина и Россия» увидел свет в сентябре 1979 года.

Сборник открывало обращение редакции под заголовком «Эти добрые патриархальные устои», составленное Мамоновой и ее мужем. При «формально провозглашенном равноправии» в СССР, констатировали они, в «допотопных условиях существования» женщине отводится роль «-кариатиды^[7] коммунальной квартиры», на которой держится все домашнее хозяйство.

«Не поверхностная, а истинная эмансипация является важнейшим социальным требованием времени, — говорилось в обращении. — Необходимо определить особенности положения женщины в семье и на производстве. Чтобы она не совмещала домашний труд с трудом общественным ценой неописуемых жертв, а почувствовала бы себя, наконец, полноправным человеком».

Эта двойная нагрузка на женщин, пьянство мужей и отцов, трудная судьба матерей-одиночек, отсталая медицина и постоянное унижение — основные темы сборника. В альманах вошли свидетельства об истинном положении дел в советских родильных домах, абортариях, детских садах и лагерях.

«Для Ленинграда это была совершенно необыкновенная острота, экстремизм. Это были женщины, которые писали совершенно откровенно. Какая-то женщина писала про аборты. [Кто-то] про детский сад, как там обворовывают. Кто-то про семью, про пьянство, про весь кошмар советской жизни», — рассказывала Горичева.

Как позже вспоминала Юлия Вознесенская, «выход альманаха в самиздате был подобен взрыву». Сборник прочитывали за ночь, а затем передавали знакомым — и так по цепочке. «Мне рассказывали, что где-то видели, какой-то мужчина, причем на сцене Дома культуры, держит в руках [альманах] и читает с глазами, вылезшими на лоб, и волосами, вставшими дыбом», — смеется Малаховская.

«Диапазон лжи и клеветы на социалистический строй, советское общество самый обширный. Через всю довольно объемистую книжицу с надрывом, причитаниями и стенаниями, со смесью откровенной лжи и полуправды проводится идея о "кошмарном", "невыносимом" положении женщины в СССР» — писал в своей книге «Приглашение в западню» Евгений Вистунов^[8].

В конце 1979-го, предположительно, через французское консульство в Ленинграде копия альманаха попадает в Европу, где вызывает живой интерес. В январе 1980 года издательство Éditions des Femmes впервые публикует перевод альманаха. В том же месяце к редакции приезжают представители издательства, которые заключают контракт на выпуск французского перевода отдельной книгой. После этого, как вспоминала Горичева, альманах «пошел по всему миру», и только его известность помогла авторкам и составительницам избежать колонии.

Титульный лист альманаха «Женщина и Россия», Ленинград, 1979. Несмотря на то, что сборник вышел в начале осени, официальной датой его выпуска объявили 10 декабря 1979 года — Всемирный день прав человека.

КГБ против «бабского сборника»

Среди прочих рассказов в альманахе был опубликован текст об издевательствах надсмотрщиков над женщинами-заключенными в Новосибирске. Это было письмо, которое религиозная поэтесса Юлия Вознесенская прислала из трудового лагеря, куда ее на

два года отправили за «антисоветскую деятельность». В Ленинград Вознесенская вернулась летом 1979-го.

Малаховская рассказывает, что опубликовала письмо Вознесенской без ее ведома. Чтобы снять с подруги подозрения, она громко сказала об этом в ее комнате, зная, что жилище поэтессы прослушивается.

«Юлина реакция была: "Ха, бабский сборник!". Вот так вот — что, мол, вот это ерунда. Потом ее по поводу этого альманаха в сентябре уже стали вызывать в КГБ, и вот тогда она уже поняла, что это важная вещь. Она решила участвовать», — вспоминает Малаховская.

Мамонову в КГБ впервые вызвали в ноябре, пишут в своих воспоминаниях феминистка и ее муж Шикарев. Они заподозрили коллег по альманаху в несоблюдении конспирации.

«В результате "прений" Татьяну вызывают в КГБ, где ей выкладывают о ее деятельности все то, что знали только наши сотрудники. Татьяна, естественно, не отрекается от Альманаха (у них экземпляр, задержанный в Москве на таможне) и признает себя редактором и издателем», — говорится в записях Мамоновых.

По мнению Малаховской, КГБ мог знать о деятельности редакции с самого начала, потому что Горичева рассказывала о ней на исповеди духовнику, который сотрудничал со спецслужбой. Писательница вспоминает, что Горичева не раз становилась источником информации для КГБ, но не переставала исповедаться священнику-осведомителю, считая, что это «его грех».

Согласно запискам Мамоновых, следом в КГБ вызвали авторку одного из опубликованных в альманахе рассказов Софью Соколову и Вознесенскую. Малаховская говорит, что тоже получала повестки, но на допросы не ходила, потому что «не считала сотрудников КГБ за людей».

В декабре Мамонову снова вызывают в КГБ, она получает «предупреждение»: в случае выхода второго номера альманаха ее арестуют. Авторки замечают, что за ними следят соседи, возле их домов дежурят незнакомцы.

«На лестнице стояли толпами какие-то нехорошие люди, — вспоминает Малаховская. — Они не давали мне пройти. По телефону вызывала каких-то знакомых каратистов, которые меня проводили сквозь. На каждом углу стояли какие-то личности, смотрели по часам, когда я мимо них проходила».

«По отъезде делегации "Де Фам" за нашим домом начинается слежка. Понемногу звереют соседи по коммунальной квартире. Меня вызывают в военкомат. Обстановка интенсивно накаляется», — пишет Шикарев-Мамонов в феврале 1980 года.

Эмигрантский бюллетень «Вести из СССР» передавал, что Мамоновой и ее мужу грозит уголовное преследование за тунеядство. Супруги подали заявление о намерении эмигрировать. Тогда же сына Вознесенской Андрея отчислили из училища «по санкции КГБ», на следующий день ему пришла повестка в военкомат. Поэтесса тоже подала документы на выезд из страны.

Татьяна Горичева и Юлия Вознесенская. Фото: *Des Femmes — Antoinette Fouque*

Раскол и высылка

Одновременно с усилением давления КГБ редакция альманаха раскалывается. Горичева вместе с большей частью авторок начинает издавать женский самиздат «Мария», а Мамонова готовит к публикации за рубежом новый сборник «Россиянка».

«Горичева сказала, надо беречь Мамонову. Если Мамонова будет продолжать работу над журналом, у нее отнимут ребенка, поэтому давай делать журнал без нее, чтобы ее спасти. И не надо с ней встречаться для того, чтобы не навлечь на нее опасность. На самом деле, как я потом выяснила, сама Горичева постоянно к Мамоновой ездила», — вспоминает Малаховская.

Во время обсуждения нового названия Малаховская предложила дать изданию женское имя. «Женщин в России больше, чем работников КГБ, — объясняет свою идею она. — Запретят "Светлану" — назовем

"Валентина"». В результате журнал называли «Мария», как утверждает Малаховская — в честь ее сестры, но Горичева поспешила вписать название в религиозный контекст и объявила, что самиздат носит имя Богородицы.

В конце февраля 1980-го у Соколовой и Вознесенской прошли обыски, у последней изъяли макет первого номера «Марии». После этого Малаховская решила, что хранить отпечатанные страницы в одном месте небезопасно, и по частям отвозила их подруге, запутывая следы и стараясь оторваться от наружного наблюдения.

1 марта по инициативе Вознесенской открылся женский дискуссионный клуб «Мария»; его повестка оказалась скорее религиозной, чем феминистской. Поэтесса писала, что «специфика и направление альманаха, задуманного первоначально Татьяной Мамоновой, не удовлетворяли искания большинства наших женщин». В группе произошел окончательный разлад.

Впоследствии Горичева назовет Мамонову «одной-единственной феминисткой даже с каким-то гомосексуальным оттенком», которая не понимала и не принимала верующих диссидентов. «Я считаю, что церковь до сих пор угнетает, оскорбляет женщин в России — это мое твердое убеждение!», — отвечает ей Мамонова. Она настаивает, что радикальной феминисткой «западного типа» ее считают только в «религиозной секте "Мария"». «Я просто за справедливость. У меня свой взгляд на мир», — говорит она.

Первым документом клуба «Мария» стало «Обращение к матерям» по поводу ввода советских войск в Афганистан, а первым мероприятием — дискуссия о марксизме. «Клуб сразу же заявил о своей политической направленности и четко обосновал свою духовную ориентацию на церковь», — заключила Вознесенская.

Таким образом, в июле 1980 года в летящем в Вену самолете оказались женщины, которые уже несколько месяцев были друг для друга идеологическими оппонентками. После высылки первого состава редакции самиздат «Мария» продолжал выходить, хотя многие участницы коллектива позже тоже эмигрировали. Перед выпуском шестого номера в 1982 году редакторку Наталью Лазареву арестовали и приговорили к четырем годам заключения, она отбывала срок в мордовских лагерях.

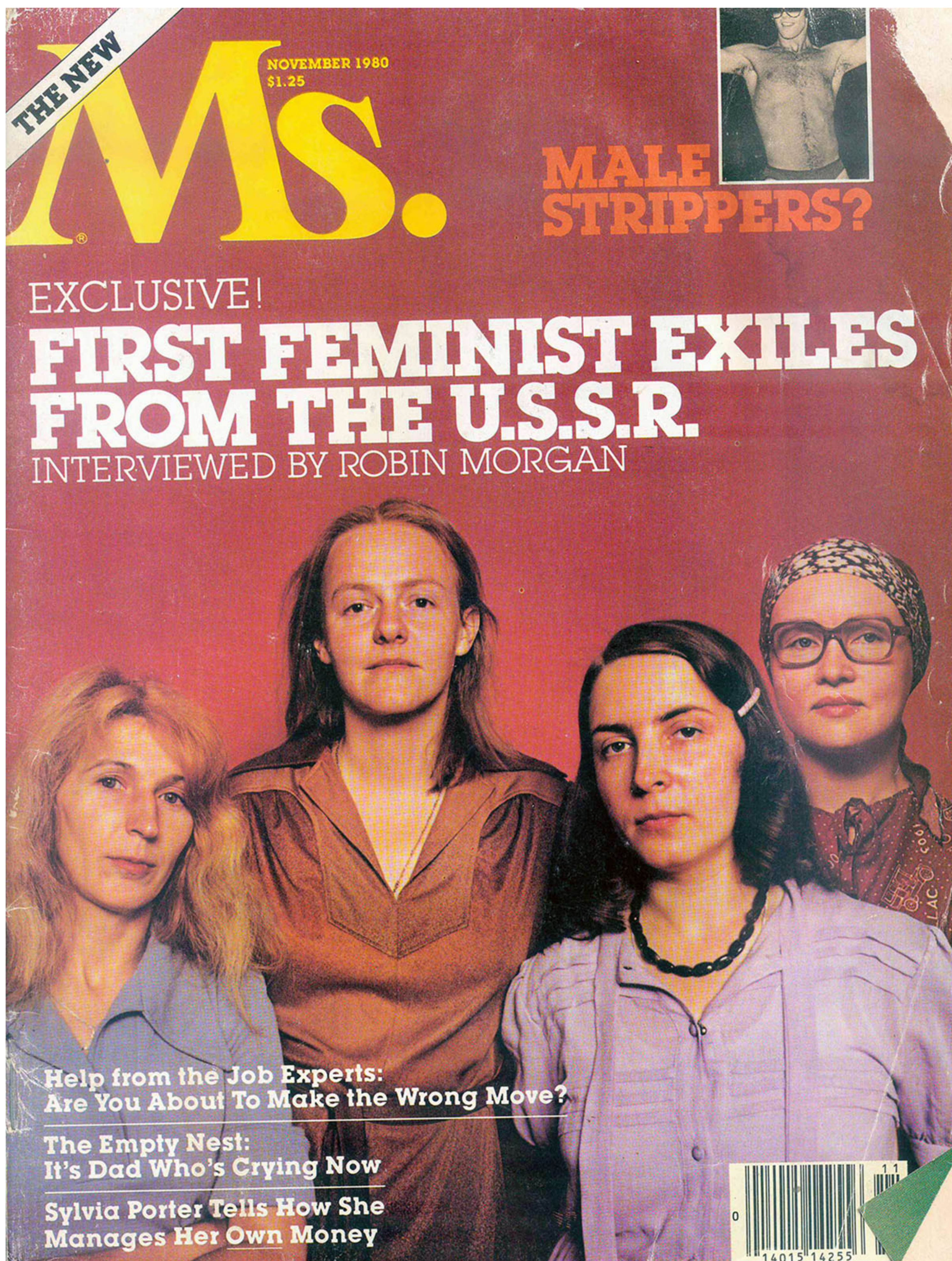

Фото: личный архив Наталии Малаховской

Эмиграция

Западная пресса восторженно встречает изгнанниц и называет их «первыми советскими феминистками». Интервью с писательницами выходят в *Guardian*, *Times* и *Washington Post*. В ноябре 1980 года Вознесенская, Малаховская, Горичева и Мамонова появляются на обложке американского феминистского журнала *Ms.*

После высылки редакция альманаха разъехалась по всему миру. Горичева жила в Западной Германии и Франции, училась в богословском институте, основала религиозно-богословское издательство и часто выступала с лекциями. Сейчас она называет себя «христианской феминисткой», а кроме того, много пишет об экологии и правах животных.

Юлия Вознесенская осела в Германии, работала на радио «Свобода» и в «Обществе по защите прав человека», писала романы и умерла в 2015-м году в возрасте 79 лет.

Малаховская, которой сейчас 72 года, живет в Австрии. Она окончила институт славистики университета Зальцбурга, получила степень доктора философии и сосредоточилась на исследовании русских сказок; в книге «Наследие Бабы-Яги» она утверждает, что популярный сказочный образ восходит к забытой богине времен древнего матриархата. Малаховская называет себя экофеминисткой и внимательно следит за происходящим в России: по ее мнению, закон о домашнем насилии необходим, уголовное дело против сестер Хачатурян нужно немедленно прекратить, а положение женщин в стране стало «лучше и хуже одновременно».

«И все же сейчас у меня чувство, что и количество, и качество женоненавистничества доросло до настоящего фемицида. И священник, и рыцарь Почетного легиона, и студент получают тысячи сочувственных откликов за то, что совершают

отвратительные убийства своих бывших подруг», — возмущается она.

Татьяна Мамонова после эмиграции несколько лет прожила в Париже, а потом перебралась в США. В эмиграции она вместе с мужем продолжала издавать альманах «Женщина и Россия», но спустя десять лет супруги переименовали его в «Женщина и Земля». Теперь он выходит в 40 странах на 11 языках. В 76 лет Мамонова активно выступает с лекциями по всему миру.

«Мы удивились, что те вопросы, которые мы поднимали столько лет назад, остались в России. И я вам объясню, почему — потому что правительство не особенно заинтересовано, и сам патриархат не особенно заинтересован, чтобы менять положение женщин. Мужчинам очень удобно: женщина будет работать и там, и здесь, и дома еще за ними ухаживать, и пищу готовить, и детишек делать, и внуков, а они еще будут издеваться над ней. Вот то, что я испытывала, и то, что женщины испытывают сейчас, когда пишут мне. Жаль, но мы справимся с этим, потому что я полна сил, и мой муж тоже, и все женщины, с которыми я работаю, полны энтузиазма менять это, и это изменится!» — говорит она в завершение разговора с «Медиазоной».

Поддержать независимое издательство *Common Place* —, которое подготовило к печати переиздание альманаха «Женщина и Россия» с историческим комментарием, можно здесь.

Зарегистрироваться на выставку «Ленинградский феминизм 1979», которая откроется в Москве 23 марта — [здесь](#).

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Приглашение (часто фиктивное) от заграничных родственников, служившее легальным основанием для эмиграции из СССР.
2. По номеру квартиры, в которой жили Виктор Кривулин и Татьяна Горичева.
3. Княгиня Екатерина Дашкова, директриса Санкт-Петербургской Императорской академии наук и сподвижница Екатерины II.
4. Мария Цебрикова (1835 — 1917) — русская писательница, участница борьбы за равноправие женщин.
5. Анна Filosofova — заметная фигура российского женского движения 1860-80-х годов, одна из создательниц Высших женских курсов.
6. Художник Геннадий Шикарев-Мамонов, после свадьбы в 1973 году взял фамилию жены.
7. В классической архитектуре — статуя в виде женской фигуры, заменяющая собой колонну, опору.
8. Публицист, автор очерков и книг об «антисоветской деятельности идеологических диверсантов Запада» и работе чекистов.